

А.А.Щелчков

«Чилийский путь к социализму» и оппоненты слева: 60-е годы XX века

К 50-летию победы Народного единства в Чили

Изучение истории левых в Чили традиционно ограничивается анализом деятельности самых крупных партий и движений. Менее значительные по численности и влиянию объединения, внесшие, однако, серьезный идейно-политический вклад в разработку и реализацию левой общественно-политической альтернативы, остаются практически без внимания исследователей. 60-е годы XX в. оказались очень плодотворным и творческим периодом для всех левых сил Чили, периодом формирования новой левой, противопоставлявшей себя традиционным левым партиям коммунистов и социалистов, придерживавшихся линии электоральной коалиции, корни которой восходили к VII конгрессу Коминтерна и чилийскому Народному фронту 1930-х. Все дискуссии того времени фактически являлись продолжением споров коминтерновских времен, но центральное место в них занимали опыт кубинской революции и расхождения между Китаем и СССР. Рождению и истории альтернативных левых партий в 60-е годы XX в. и посвящена данная статья.

Ключевые слова: коммунизм, социализм, маоизм, Чили, Альенде, Энрикес, Народное единство.

DOI: 10.31857/S0044748X0011913-3

Статья поступила в редакцию 29.06.2020.

Традиционные левые в Чили — социалисты и коммунисты — в 50—60-е годы XX в. утвердились в понимании особого пути чилийской революции через использование институтов формальной демократии и выборов, что представляло собой так называемый «чилийский путь к социализму», в рамках которого отрицалась возможность применения иной тактики, осо-

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32а, sch2000@mail.ru).

Статья написана при поддержке РНФ, проект 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

бенно связанной с вооруженной борьбой. Концепция «чилийского пути к социализму», которой руководствовалась Компартия Чили (*Partido Comunista de Chile, PCCh*) в 60—70-е годы, восходила к решениям VII конгресса Коминтерна, была непосредственным идейным наследием Народного фронта (*Frente Popular*) 30-х годов XX в., укрепленным доктриной мирного сосуществования и мирного перехода к социализму, продвигаемой КПСС с конца 50-х годов [1, сс. 30-39]. Противовесом этому доминирующему политическому тренду было появление леворадикальных течений, отвергавших стадийный, мирный переход и требовавших решительных мер вплоть до вооруженной борьбы.

В советской литературе проблема левой оппозиции «чилийскому пути к социализму» сводилась к буквальному шельмованию и стигматизации Левого революционного движения (*Movimiento de Izquierda Revolucionaria, MIR*), которое обвинялось в содействии реакции. Согласно этой точке зрения, одной из ошибок Народного единства (*Unidad Popular, UP*) и состоявших в нем партий считалась недостаточная борьба с оппозицией слева, что также называлось одной из причин падения правительства Сальвадора Альенде и провала исторического опыта «мирного перехода к социализму» [2, pp. 217-220]. Между тем на чилийской политической сцене в 60-е годы, являвшиеся преддверием прихода к власти левых, действовали многочисленные левые партии и группировки, отрицавшие тактику «чилийского пути», — так называемые революционные, антиревизионистские силы. В нашей стране не предпринималось попыток специального исследования этого фланга чилийских левых в один из самых плодотворных и дискуссионных для левых вообще периодов — 60-е годы XX в. Данная статья призвана заполнить этот пробел.

ДИССИДЕНТЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ЛЕВЫХ ПАРТИЯХ

Левые радикалы, выступавшие против доминирующего в традиционных марксистских партиях подхода к революционной тактике, появились в их рядах в 40—50-е годы. Внутри *PCCh* во время запрета партии в конце 40-х возникла фракция Луиса Рейносо, который защищал стратегию вооруженного, «боевого сопротивления». Эта группа была исключена из партии в 1951 г. [3, р. 11]. Рейносисты создали небольшую организацию Движение антиимпериалистического сопротивления (*Movimiento de Resistencia Anti-imperialista, MRA*), в котором состояли не более 60 человек. Часть социалистов, Народно-социалистическая партия (*Partido Socialista Popular, PSP*), поддерживавшая ранее президента Карлоса Ибаньеса дель Кампо (1927—1931, 1952—1958), устами их лидера Рауля Ампуэро говорили о необходимости готовиться не только к мирной борьбе в условиях демократии, но и к вооруженной [4, р. 115]. *PSP* выступала за союз всех трудящихся, исключая участие в предвыборном союзе «прогрессивной буржуазии», т.е. Радикальной партии (*Partido Radical*).

В 50-е годы, после X съезда *PCCh*, утвердилась концепция мирного прихода к власти и движения к социализму. Партия интегрировалась в общеполитический процесс включения левых политических сил не как альтернативы, а как части постепенной эволюции политической системы и государства в Чили. Начало этого процесса было положено успехом *Frente Popular* в конце 30-х годов с участием двух главных левых партий — коммунистов и социалистов. Такой поворот неизбежно вызывал внутренние противоречия, ибо с ним не были согласны радикальные, антисистемные силы, ставившие задачи разрушения существовавшего строя в полном соответствии с доктриной и дискурсом партии.

Внутри *PCCh*, особенно в молодежной организации, было немало тех, кто считал необходимым скорректировать эти решения, не отвергая возможность вооруженной борьбы за власть. Стихийные беспорядки в Сантьяго 2 апреля 1957 г., приведшие к многочисленным жертвам, давали им лишний повод считать свою позицию верной и требовать от партии пересмотра решений X съезда. Комсомольцы шли в авангарде протестующих масс 2 апреля, выйдя из подчинения партийного руководства, которое выступало против развития движения, опасаясь изоляции и усиления применения закона о защите демократии, который, казалось, вот-вот должны были отменить [5, р. 542].

В ноябре 1957 г. на съезде коммунистической молодежи эта фракция была исключена из *PCCh*. Эти левые в коммунистической и социалистической (*Partido Socialista de Chile, PS*) партиях — в основном молодежь — в последующие годы обвиняли «реформистское» руководство этих партий в том, что оно не захотело возглавить народное движение 2 апреля и предотвратило революцию. Диссиденты-коммунисты в конце 50-х годов создали Национальное марксистское движение (*Vanguardia Nacional Marxista, VNM*), к которому присоединились и рейносисты из *MRA*. Члены этой группы подчеркивали свою приверженность вооруженному пути революции. Главной задачей они видели распространение своей точки зрения и переманивание в свои ряды традиционных чилийских коммунистов.

Диссиденты искали объединения с другими левыми и революционными группами для формирования большой партии. Так, после слияния с Революционной троцкистской партией (*Partido Revolucionario Trotskista, PRT*) и также троцкистской *PSP*, возникла партия Революционный марксистский авангард (*Vanguardia Revolucionaria Marxista, VRM*). При этом слиянии с троцкистами Л.Рейносо и другие убежденные сталинисты должны были преодолеть сильную антипатию к ним, унаследованную от старой *PCCh*, что было непросто. Они долго отказывались иметь с ними дело [6, pp. 34-35]. Затем в конце 1963 — начале 1964 г. к ним присоединились группы социалистов, в том числе и будущие лидеры *MIR* Мигель Энрикес и Баутиста Ван Шоуен.

КУБА И КИТАЙ — ВЫЗОВ «ТРАДИЦИОННЫМ ЛЕВЫМ»

Кубинская революция и советско-китайский раскол заставили *PCCh* резко встать на защиту мирных методов борьбы. Проблемы возникали не только в отношениях с международным коммунистическим движением и Кубой, но и внутри чилийских левых. Социалисты с энтузиазмом поддерживали Кубу. В 1961 г. руководитель профсоюзного объединения Единый рабочий центр (*Central Única de Trabajadores, CUT*) Клотарио Блест выступил в поддержку кубинского метода вооруженной борьбы, заявляя, что чилийская Сьерра-Маэстра — это улицы Сантьяго, где будет дан бой капитализму. *PCCh* настояла на отставке К.Блеста, а кубинский опыт был объявлен подходящим только для самой Кубы [4, р. 140-141]. СССР с беспокойством реагировал на новые вызовы на континенте, представлявшие угрозу традиционным левым, прежде всего промосковским коммунистам. КГБ СССР, анализируя чилийскую ситуацию, в 1969 г. отмечал такие новые и опасные тенденции, как возникновение маоистских групп и кубинское влияние [7].

Кубинская революция дала сильный импульс процессу, который чилийский социолог Томас Моулиан назвал «ленинизацией» чилийского социализма. Попросту говоря, радикализация в рядах социалистов и коммунистов привела к ряду разрывов и болезненных конфликтов, которые в *PCCh* не привели к коррекции курса, а в *PS* вызвали резкое полевание партии.

Этот тренд влево повлек за собой переформулирование задач левой коалиции с «демократической» революции на создание «народного правительства», которое путем реформ и модернизации ставит задачу «строительства социализма» [8, p. 48].

В 1962 г. в *PS* состоялась бурная дискуссия о путях революции, начало которой было положено статьей ее тогдашнего лидера Рауля Ампуэро «Размышления о революции и социализме» (1961 г.), где он призвал не обольщаться и не идеализировать электоральные методы борьбы за власть [9, p. 60]. Дискуссия социалистов проходила на фоне XII съезда *PCCh*, утвердившего стратегию «чилийского пути к социализму» — мирного пути, который не равен реформизму, а революционен и основан на классовой борьбе. После бурной полемики политкомиссия *PS* выпустила установочный документ: революция будет носить не буржуазно-демократический, а пролетарский характер.

В руководстве социалистов часто раздавались призывы создать в Чили свою Сьерру-Маэстру. В 1966 г. на пленуме *PS* депутат Лаура Альенде (сестра С.Альенде) призвала партию встать на кубинский путь. Все эти заявления очень беспокоили коммунистов и советских товарищей, опасавшихся отхода социалистов от электорального союза с ними и от концепции «чилийского пути к социализму», базовой для Фронта народного действия (*Frente de Acción Popular, FRAP*) [10].

В 1961 г. К.Блест смог объединить синдикалистов, троцкистов, троцкистов в Движение 3 ноября (*Movimiento 3 de Noviembre*). В 1962 г. троцкисты и исключенные из компартии и соцпартии левые (в том числе Блест), а также еще ряд незначительных организаций создают свой вариант фронта — Движение революционных сил (*Movimiento de Fuerzas Revolucionarias*). Целью новой организации было объединение всех революционных групп, противостоящих реформизму *PCCh* и *PS*.

Советско-китайский конфликт отразился на отношениях внутри левых сил Чили. С 1960 г. внутри *PCCh* существовали прокитайские группы, которые поддерживали самостоятельные связи с Коммунистической партией Китая (КПК) через отдельных людей, имевших личные контакты с китайцами. В Китае с начала 50-х находился член компартии, коммунист, известный художник Хосе Вентурелли. Он был членом КПК и *PCCh*, принимал в Китае С.Альенде, работал на Кубе в качестве «агента влияния» Китая в начале 60-х годов. Х.Вентурелли являлся посредником в контактах промаоистских групп с Китаем [11, pp. 54-55].

Именно в 1963—1964 гг. в леворадикальном движении происходит интенсивное ознакомление с маоистскими идеями и увлечение ими. Партия *VRM* склонялась к поддержке китайского курса в полемике с КПСС. Помимо собственно китайского агентства новостей источником агитационных материалов стала маоистская группа «Спартак», созданная в 1963 г. Привлекательность маоистов, прежде всего их ставка на вооруженную борьбу и концепцию «затяжной народной войны», уже была очевидна, но пока *VRM* воздерживался от резкой критики в адрес СССР.

Постепенно *VRM* все более подчеркивал свой революционный характер в противовес ревизионизму и реформизму чилийских коммунистов, находя поддержку в китайской линии в международном коммунистическом движении. В сентябре 1963 г. *VRM* обратился к *PCCh* с письмом-призывом взаимного признания и установления отношений. Известный чилийский троцкист Энрике Сепульведа отправился на Кубу, где встретился с китайскими дипломатами (в Чили не было посольства КНР до победы Альенде), которые выделили ему деньги для поездки на учебу в Китай группы членов *VRM* [6, p. 53-54]. В мае 1963 г. в молодежной организации социалистов сформировалась левая группа во главе с

Мигелем Энрикесом, которая влилась в *VRM*, оживив идейную дискуссию, повысив ее интеллектуальный уровень [9, p. 84].

На выборах 1964 г. *VRM* агитировал за поддержку С.Альенде, не являясь частью *FRAP*. Организация стала активно работать среди маргинальных слоев населения, в поселениях (фавелах) в пригородах столицы и в других крупных центрах, называемых в Чили *callampas*, где селились вытесняемые из сельской местности массы новых горожан, искавших работу и стремившихся к новому образу жизни. *VRM* делал ставку на работу с маргинальными слоями, что совпадало с маоистской идеей опоры на городские низы в странах третьего мира [11, p. 56]. В фавелах *VRM* действовал через альендистские группы, помогая левым в их пропагандистской работе, но и параллельно создавая базы своего влияния, которые затем унаследовало *MIR*. При этом партия *VRM* не переставала критиковать доктрину и действия руководства традиционных левых, особенно коммунистов [9, p. 80-81].

В мае 1964 г. в разгар китайско-советской полемики, центральным пунктом которой были расхождения о пути революции в третьем мире, *VRM* провел свой первый съезд, где произошел раскол. Большинство ориентировалось на маоистский народно-повстанческий проект. Эту часть партии возглавлял сталинист Бенхамин Карес. Диссиденты во главе с Мигелем Энрикесом стали называться *VRM Rebelde*, вскоре переименовавшись в *MIR* [12, p. 40]. Они критиковали маоистскую концепцию этапов, особенно идею народной-демократической революции как капитуляции перед ревизионизмом, и вслед за троцкистами говорили о едином революционном процессе с социалистической перспективой. Они считали, что китайская концепция революции слишком узка и не соответствует задачам революционной партии, а примером для них были Куба и венесуэльский *MIR*.

VRM в начале своей истории, хотя и критиковал «ревизионизм» *PCCh*, не слишком жестко писал об СССР, не проявлял особого отношения и к китайцами. *VRM* настаивал на вооруженном пути революции и идеализировала кубинский опыт. В тот момент это была скорее революционная прокубинская партия латиноамериканской революции. Члены этой партии сохраняли тесные отношения с «Островом Свободы», ездили туда. Несмотря на всю остроту отношений с традиционными левыми, *VRM* поддерживал кандидатуру единых левых С.Альенде [6, p. 46].

Отношения *PCCh* с Кубой были особенно сложными: партия вынужденно проводила мероприятия солидарности с ней, выполняя решения международного коммунистического движения. Но когда в 1965 г. демохристианское правительство не разрешило проводить Конгресс солидарности с Кубой, коммунисты не стали протестовать, а лидер партии Луис Корвалан, объясняя ситуацию в советском посольстве, всячески оправдывал решение властей [13].

После поражения левой коалиции на выборах 1964 г. и ошеломляющего успеха христианских демократов внутри левых — как коммунистов, так и социалистов — появились группы и течения, делавшие выбор в пользу вооруженной борьбы как единственного пути к социалистической революции. В *PCCh* образовалась группа сенатора Хайме Барроса, который говорил о необходимости подготовки партии и рабочего класса к вооруженному восстанию. Его товарищи резко отреагировали на эти заявления, исключив его из партии. Группа Барроса присоединилась к прокитайской группировке «Спартак» [4, p. 155]. Коммунисты жаловались в советском посольстве на то, что в соцпартии есть сильная прокитайская фракция, включающая, в частности, Клодомиро Альмейду и Адониса Сепульведу, которые (подстрекаемые китайцами) стремятся разорвать союз с коммунистами и подорвать *FRAP*. Социалисты организовывали мероприятия в поддержку КНР [14].

С началом культурной революции и усилением антисоветской кампании в Китае после XI пленума ЦК КПК советское посольство в Чили недвусмысленно потребовало от *РССЧ* сделать заявление по этому поводу, что и было исполнено. Это обозначило окончательный разрыв каких-либо отношений с китайцами [15].

Среди леворадикальной интеллигенции в Чили симпатии к маоизму проявлялись не только во внутрипартийной борьбе. В 60-е годы среди радикальных левых стал популярным журнал «новых левых» *Monthly Review*, в материалах которого выражались определенные симпатии маоизму и китайскому опыту. Журнал распространял в Чили К.Альмейда, будущий лидер социалистов. Это издание способствовало сближению многих поклонников маоизма из *VRM* с течениями западных «новых левых», отходу от односторонней ориентации и приверженности к «политическому воображаемому», привязанному к фигурам Сталина, Троцкого или Мао. Многие шли дальше — к рецепции новых марксистских интерпретаций и концепций революции, что позднее стало основой появления чилийских «новых левых».

СОЦИАЛИСТЫ

Кубинская революция произвела наибольшее впечатление именно на членов социалистической партии, увидевших в победе Кастро пришествие долгожданной континентальной революции [16, pp. 352-353]. В соцпартии настроения в пользу вооруженной борьбы привели к принятию тезиса насильственного прихода к власти как единственно возможного для революции. Т.Моулиан называет левое крыло соцпартии кастристским, подчеркивая значение и влияние концепции повстанческого ядра революции, немирного прихода к власти и построения социализма [8, p. 66].

В июне 1965 г. в *PS* победила левая тенденция. Была принята платформа, написанная троцкистом А.Сепульведой. В ней подвергалась критике предыдущая умеренная и реформистская линия. Целью партии по-прежнему был приход к власти через выборы для создания рабочего правительства, «которое экспроприирует средства производства у буржуазии» [9, p. 105]. В этом состояла революционная суть нового курса.

В 1966 г. после пленума соцпартии отношения *PS* и *РССЧ* обострились. Одной из причин этого стали итоги проведения в Гаване учредительной конференции Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки*, в решениях которой были поддержаны сторонники «вооруженного пути» революции. Чилийская делегация в составе социалистов С.Альенде и К.Алмейды приняла участие в мероприятии. Основной причиной расхождений была позиция в отношении правительства Эдуардо Фрея (1964—1970) и «коллорационистская политика *РССЧ*». КПСС поддерживала линию чилийских коммунистов на развитие реформистских

* Организация солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки (*Organización de Solidaridad con los Pueblos de Asia, Africa y América Latina, OSPAAAL*) — международная организация, целями которой заявлены борьба с империализмом, глобализацией, неолиберализмом и защита прав человека. *OSPAAAL* была основана в январе 1966 г. в Гаване после Конференции трех континентов (*Conferencia Tricontinental*) — встречи левых политиков Кубы, Пуэрто-Рико, Чили, Доминиканской Республики, Гвинеи, Конго, ЮАР, Анголы, Вьетнама, Сирии, КНДР, а также Организации освобождения Палестины. Официальный печатный орган (до начала 90-х годов XX в.) — журнал *Tricontinental*. В несколько урезанном формате *OSPAAAL* функционирует и в настоящее время. — Прим. ред.

инициатив христианско-демократической партии (*Partido Demócrata Cristiano, PDC*) и ее левого крыла. Социалисты же обвиняли *PCCh* в том, что они «посматривают в сторону Фрея». Они заявляли, что коммунисты ошибочно переносят советский принцип мирного сосуществования на внутреннюю политику [17]. Это был один из откликов советско-китайской дискуссии о мирном пути и мирном сосуществовании.

Социалисты после своего пленума в 1966 г. стали характеризовать *PDC* как фашистское движение, что создавало серьезные проблемы в тактике коммунистов по диалогу с левыми христианскими демократами. Левацкая группа в соцпартии выступала против умеренной линии, которую проводила партия в союзе с коммунистами, в которых они видели причину правого уклона. На XXII съезде *PS* в Чильяне голоса сторонников «левого поворота» доминировали. Позиции представителей леворадикального блока в партии были более близки к миристам или спартаковцам, нежели к союзным им коммунистам. Партия заявила о неизбежности вооруженного пути революции. На съезде о себе заявила группа *elenos* — по аналогии с аббревиатурой геваристской Армии национального освобождения в Боливии (*Ejército de Liberación Nacional, ELN*), пропагандировавшая партизанское движение [18, p. 236].

К.Альмейда заявил, что на этом съезде проявилось стремление «оставить в прошлом электоральные иллюзии» [9, p. 136]. Тем не менее, несмотря на наступление левого крыла, в партии по-прежнему верили в возможность победы на выборах. Этот феномен сочетания революционной фразы и продолжения электоральной политики «мирного пути» новый генсек партии Анисето Родригес объяснял необходимостью придерживаться прагматизма: объективная реальность диктует участие в выборах и пока берет верх над идеями (революцией).

С.Альенде был самым гибким лидером партии: он выступал и за расширение *FRAP*, и в поддержку кубинских методов. Он приобрел большую популярность среди левых радикалов благодаря своей активности в ходе решения проблемы поиска убежища для участников отряда Че Гевары, перешедших границу с Чили и по распоряжению правительства высланных на Таити. Альенде сопровождал их на Таити, а затем на Кубу. Он стал символом поддержки социалистами кубинской и латиноамериканской революции. После этого путешествия Альенде написал нашумевшее открытое письмо в редакцию старейшей чилийской газеты *Mercurio*: «Мы против насилия, но порой революционное насилие — это единственный ответ на ваше насилие, насилие реакции» [18, pp. 237-238].

В соцпартии крепили более радикальные настроения, при том, что полевание давало больше шансов стать партией-гегемоном, чем пребывание в союзе с более сплоченными и сильными коммунистами. В 1967 г. лидер социалистов Рауль Ампуэро и бывший глава *CUT* Оскар Нуньес (ставший первым генеральным секретарем объединения) создали Народно-социалистический союз (*Unión Socialista Popular, USOPO*). Этот раскол в *PS* произошел после того, как левые потребовали исключить электоральный союз с буржуазными партиями, *PDC* и радикалами в принципе. Эти левые социалисты также требовали отвергнуть тактику мирной революции и сделать выбор в пользу вооруженного восстания. Р.Ампуэро был обвинен в сталинских методах управления партией и исключен. На выборах 1969 г. *USOPO* получил только 2% голосов [4, p. 156].

К выборам 1970 г. социалисты подошли с усилившимся левым крылом партии, в известной степени ориентировавшимся на *MIR*, хотя *PS* в целом оставалась верной союзу с *PCCh*.

КАСТРИСТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ *MIR*

После раскола *VRM* в ее фракции *Rebelde* объединилось большинство леворадикальных интеллектуалов и политиков, в основном диссидентов соцпартии и *PCCh*. В штаб-квартире *VRM Rebelde* под председательством К.Блеста проходили бурные собрания, на которых солировали такие видные политики, как Оскар Вайсс, Габриэль Смирнов, Энрике Сепульведа и другие. Лейтмотивом дискуссий, как писал О.Вайсс, была задача «создать движение, свободное от опеки бюрократии социалистической и коммунистической партий» [19, p.144]. Блест, в частности, предложил назвать его Единой партией революционных сил [20, p.59]. В августе 1965 г. был проведен конгресс революционного единства, на котором и было создано Левое революционное движение (*Movimiento de Izquierda Revolucionaria, MIR*). Лидерами стали Лусиано Крус, Мигель Энрикес, Баутиста фон Шоуэн из *VRM Rebelde*. Их позиция была обозначена в опубликованной в сентябре 1964 г. в газете *El Rebelde* и имевшей большой резонанс статье «Поражение мирного пути». В ней говорилось: «Поражение на выборах — это не поражение рабочих, крестьян, революционных студентов, прогрессивной части средних слоев. Провал на выборах — это поражение так называемого мирного пути, примирительного, оппортунистического и сектантского электорализма, повсеместно позорно распространяемого бюрократическим руководством социалистической и коммунистической партий» [9, pp.110-111].

В советском лагере образование *MIR* и его связи с Кубой, которая не только политически, но и финансово поддерживала эту организацию, воспринимали с большой нервозностью. В документах КГБ ее называли не иначе как кастристской и вредной. В ней видели большую опасность для *PCCh* [21].

В первом номере журнала партии *Estrategia* был опубликован обширный анализ партизанского и повстанческого движения на континенте: «Фундаментальный факт последних пяти лет в Латинской Америке — это появление новых революционных движений, которые ставят перед собой задачу преодолеть кризис руководства латиноамериканским пролетариатом. Кубинская революция спровоцировала кризис в традиционных партиях рабочего класса (соцпартия и компартия) и в националистических буржуазных и мелкобуржуазных движениях. Стало очевидно, что подавляющее большинство современных повстанческих движений вышли из-под контроля социалистов и коммунистов» [22, p.10]. По убеждению миристов, *PS* и *PCCh* окончательно превратились в придаток режима буржуазной демократии [23, p.15].

Миристы отвергали предположение о наличии в странах континента некой прогрессивной буржуазии, которая может стать союзником в революции, и, соответственно, осуждали теорию этапов революции как в традиционной для компартии, так и в маоистской интерпретации [24, pp.163-164].

Хотя *VRM Rebelde*, из которой родился *MIR*, порвала с явно прокитайской частью партии, ее отношение к китайскому опыту и маоизму было скорее благожелательным, нежели отрицательным. Партия не высказывалась по этому поводу, но из ее документов видно влияние некоторых маоистских постулатов, прежде всего о народной войне, об особенностях борьбы в третьем мире и пр. В феврале 1966 г. лидер этого нового движения Мигель Энрикес побывал в составе студенческой организации в Китае. Его отношение к китайскому режиму было довольно критичным, в чем он укрепился после поездки туда [20, pp.45-46].

В новую партию *MIR* вошли также члены протроцкистской *PSP*, возникшей в 1963 г., членами которой, помимо собственно троцкистов, были анархисты и диссиденты из традиционных левых партий. В 1964 г. группа

комсомольцев с явными симпатиями к маоистам создала Революционное коммунистическое движение (*Movimiento Revolucionario Comunista*) во главе с Габриэлем Смирновым, вскоре присоединившееся к *MIR* [6, p. 63]. Э.Сепульведа занял пост генерального секретаря партии, что стало поводом объявить всю организацию троцкистской.

MIR высказала и свое отношение к прокитайским группам. О.Вайсс писал в журнале *MIR Estrategia*: «На учредительный конгресс *MIR* пригласил все группы революционных левых без исключений. Группа Спартак, связанная с КП Китая, отказалась. Она является защитником и пропагандистом устаревших положений времен Сталина... Эта группа исповедует теорию этапов, эту антиленинскую концепцию социалистической революции» [23, p.16].

MIR заявляла, что единственный путь революции — это вооруженная борьба. Миристы противопоставляли себя «реформистам» и «ревизионистам» из *PS* и *PCCCh*, которые предали цели и идеалы революции. В программе *MIR* осуждались бюрократические и ревизионистские режимы в социалистических странах. В этом документе предельно ясно определялся идеал, на который миристы ориентировались, — кубинская революция. В частности, заявлялось, что «*MIR* декларирует свою поддержку кубинской революции, так как ее метод повстанческой борьбы, ликвидация национальных олигархии и буржуазии, антиимпериалистическая позиция и формы построения социализма являются примером для поведения революционеров всего континента» [25, p. 2].

MIR была основана как подпольная организация, которая считала частью революционной работы «экспроприацию» банков и других капиталистических субъектов для финансирования революции. Движение пользовалось популярностью и поддержкой среди студенчества в Консепсьоне и Сантьяго, а также среди левой интеллигенции.

Орландо Мильяс, влиятельный член руководства *PCCCh*, утверждал в советском посольстве, что многие проблемы на левом фланге в Чили вызваны активностью кубинских товарищей, работающих против коммунистов. Куба поддерживала левый уклон у социалистов, финансировала газету миристов *Punto final* [26]. Точка зрения О.Мильяса была подтверждена иными данными и стала официальным мнением КГБ, видевшем в кубинском влиянии подрывную деятельность против коммунистов и СССР [27].

В декабре 1967 г. на III съезде *MIR* М.Энрикес, который прибыл туда прямо с Кубы, закрепил свое абсолютное лидерство, добившись удаления из руководства организации старых троцкистов Э.Сепульведы, О.Вайсса и Мартина Саласа. После ухода «стариков» партия приобрела отчетливо молодежный и внешне экстремистский характер. Структура партии изменилась с созданием военно-политических групп как первичных организацией, ориентированных на мобилизацию граждан для противостояния буржуазному режиму в рамках продолжительной «революционной войны». Создавались также движения для каждого социального или профессионального слоя как часть сети *MIR*: Фронт революционных трудящихся (*Frente de trabajadores revolucionarios, FTR*), Университетское левое движение (*Movimiento de izquierda universitaria, MUI*), Фронт революционных студентов (*Frente de estudiantes revolucionarios, FER*), Революционное крестьянское движение (*Movimiento campesino revolucionario, MCR*) и другие [24, p.165].

Принятая на съезде «Декларация принципов» объявляла *MIR* марксистско-ленинской, пролетарской партией. В ней подвергалась критике идея мирного сосуществования и возможности мирного соревнования социализма и капитализма. От троцкизма (авторство многих документов съезда принадлежит Луису Витале, видному историку-троцкисту) досталась идея о невозможности победы над империализмом и капитализмом мирным пу-

тем без революции в развитых странах. Партия отвергала «мирный путь»: «Единственным путем свержения капиталистического строя является вооруженное народное восстание» [28, р.3-4]. М.Энрикес заявлял, что путь революции в Латинской Америке — это «затяжная партизанская война», что было принятием тезиса маоистов в кастристской «упаковке» [4, р. 157]. Против *MIR* выступили не только *PCCh*, но и маоисты, клеймившие мелкобуржуазную революционность и авантюризм [28]. Маоисты называли *MIR* непролетарской и троцкистской группировкой.

Наибольшее беспокойство у советских товарищей вызывало влияние *MIR* в молодежной организации социалистов и на прокубински настроенных лидеров соцпартии, например, на Карлоса Альтамирано. Последний, по данным КГБ, в октябре 1968 г. во время посещения Кубы получил для миристов крупную сумму в долларах [30]. Миристы, как сообщала в ЦК КПСС спецслужба, при поддержке кубинцев и на их деньги создали подпольный лагерь военной подготовки в Эль-Новиадо недалеко от Сантьяго. Партия покупала оружие: КГБ сообщало, что в 1968 г. миристы закупили в Аргентине 600 пистолетов [31]. Вплоть до победы Альенде на выборах кубинцы играли контрпродуктивную роль в чилийских событиях, нанося большой вред традиционным левым партиям.

MIR представляло большую проблему для *PS* и *PCCh*. С нарастанием революционного кризиса в стране в начале 1970 г. наличие сильной альтернативной левой партии вне блока Народного единства и принципиально выступавшего против стратегии «чилийского пути» стало серьезным фактором дестабилизации и поляризации общества. Сама по себе *MIR* не могла повернуть события в желаемое для партии русло, но подрывала социальную базу поддержки курса правительства Альенде.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОММУНИЗМ

Помимо *VRM* на крайне левом фланге действовала группа Спартак, в октябре 1963 г. исключенная из *PCCh* и начавшая самостоятельную жизнь. Тогда же в Икике был образован Повстанческий коммунистический союз (*Unión Rebelde Comunista, URC*). Спартаковцы быстрее, чем *VRM* установили отношения с китайцами и даже получали от них финансовую помощь. Члены этого объединения определили двух главных своих врагов на левом фланге — «ревизионистская» *PCCh* и троцкисты. Последние отвергались из-за их отказа выделять различные этапы революции с соответствующими союзниками и из-за программы непосредственных социалистических преобразований. Появление ревизионизма, отказ от вооруженной борьбы и ставка на «мирный путь», по заявлению спартаковцев, были проявлением социальных интересов международной социал-буржуазии, в том числе и советской, не заинтересованной в революционных действиях масс. В конце 1964 г. руководители спартаковцев были приняты в Пекине самим Мао Цзэдуном, что произвело на них большое впечатление и способствовало открытому переходу на позиции маоизма и признания его марксизмом-ленинизмом современности [32, р.25]. Спартаковцы и *VRM* воспринимали друг друга как союзные и идейно близкие организации, готовые объединиться в единую партию, но после «очищения от троцкистских элементов» [6, pp. 92-93]. Однако отношения между группами резко ухудшились из-за того, что спартаковцы поддерживали контакт *VRM Rebelde*.

После поездки своего руководства в Пекин члены Спартака поставили задачу создания революционной коммунистической партии. В течение 1964—1965 гг. им вместе с *URC* удалось создать ячейки по всей стране, что было подготовительной фазой для созыва учредительного съезда новой

партии «революционного коммунизма» [32, р. 26]. Спартаковцы и близкие им прокитайские группы провели в феврале 1966 г. первый съезд объединенной маоистской Революционной коммунистической партии (*Partido Comunista Revolucionario, PCR*). На съезде присутствовали 93 делегата от Спартак и *UCR*. По давней коммунистической традиции были приглашены и делегаты от «братских партий», т.е. прокитайских партий Перу, Аргентины, Боливии, Бразилии, Колумбии и Эквадора [32, р.26]. Спартаковцы вошли в *PCR* как ее молодежная секция, но при этом полностью сохранили политическую самостоятельность. Они, в отличие от *PCR*, в целом активно сотрудничали с миристами, что было ожидаемо ввиду их серьезного присутствия среди студенчества, особенно в Консепсьоне [33].

Программу новой партии, проект которой был заранее выдан всем делегатам, написал Хорхе Паласиос. В ней уже с первых строк говорится о революции как самой ближайшей и реальной перспективе развития не только Чили, но и всего континента, что позволяло говорить об общей «латиноамериканской революции» [34, р.4]. Это убеждение близости революционных событий и возможность прихода к власти рабочего класса было свойственно в тот период всем без исключения левым силам — от традиционных левых (коммунистов и социалистов) до левых радикалов, будь то прокитайские коммунисты или миристы.

В программе *PCR* была отражена приверженность маоистской концепции этапов революции: «Революция на первом этапе не будет пролетарской социалистической революцией, не претендует на уничтожение всех эксплуататоров, а только самых мощных и реакционных, так как для этого необходимо мобилизовать и часть эксплуататорских классов, а именно отдельные сектора мелкой и средней буржуазии. Планировать, как это делают левые оппортунисты, сегодня в нашей стране пролетарскую социалистическую революцию означает обрекать пролетариат на изоляцию от других антиимпериалистических, антимонополистических и антилатифундистских классов, отдав их в руки врага, уменьшая тем самым число сил, им противостоящих. Авантюристическая позиция ультра-революционеров не создает условия для социалистической революции, о которой они якобы так пекутся. Хотя чилийская революция на своем первом этапе не будет социалистической, она также не будет и буржуазной, поскольку будет руководима пролетариатом, а не буржуазией, и ее изначальной задачей станет создание условий для ликвидации эксплуатации и перерастания в социалистическую революцию» [34, pp. 20-21].

В докладе к первому съезду критиковалась политика ревизионистов, механически включавших в электоральные союзы непролетарские классы. *PCR* предлагала острую классовую борьбу, которая бы показала этим союзникам, что у них нет иного выхода как присоединиться к Единому фронту, иначе они все равно пострадают от классового противника. Включение непролетарских и буржуазных сил в союз не отменяло острой классовой борьбы пролетариата против этих союзников, что отличается от позиции ревизионистов, готовых прекратить классовую борьбу лишь бы заключить союз с этими слоями [35, р. 5]. Вся программа и построение партии написана под большим влиянием работы Мао «К выходу первого номера журнала Гунчаньданжэнь». В центре внимания — большевистский тип партии, противостоящей ревизионизму и социал-демократии [6, р.122].

PCR, как и Спартак, в значительное мере строила свою организацию на подпольной основе. Она должна была быть партией железной дисциплины, демократического централизма, организованной в законспирированные ячейки с собственной подпольной сетью даже в условиях демократии и легального существования, ибо задача состояла в подготовке вооруженной

борьбы. Партия должна ставить задачу создания революционных вооруженных сил, без которых невозможно рассчитывать на победу [34, pp. 35-43]. Здесь очевидно влияние кубинского опыта, вьетнамской войны и маоистской идеи «затяжной народной войны», хотя последние развивались в сельской местности, а Чили уже тогда была страной городского населения. *PCR* рассчитывала распространить практику создания революционной армии на города. В резолюции съезда партия заявляла, что ее цель — «революционная борьба масс за власть», высшей точкой которой является «народная война», приспособленная к условиям Чили. При этом резолюция была составлена в полном соответствии с маоистской доктриной о «затяжной народной войне», которая в основном будет вестись в сельской местности при поддержке революционных боев в городе [36, pp.5-6].

На съезде произошел поворот в отношении блока традиционных левых, коммунистов и социалистов, именуемых ревизионистами. Если ранее *VRM*, спартаковцы и другие сотрудничали на выборах 1964 г. с альендистами, то отныне *PCR* переходила в непримиримую оппозицию к ревизионизму [35, p.23]. Этот поворот леворадикалов особенно трагически скажется на политической обстановке в Чили после победы Народного единства в 1970 г.

В своем противостоянии бюрократизму старых компартий в *PCR* принципиально отказались от поста генерального секретаря. Альтернативный вариант состоял в коллективном секретариате, хотя фактически реальным лидером и координатором в партии был Давид Бенкис. Помимо него в руководстве ключевые позиции занимали Хорхе Паласиос, Альфредо Берченко, Луис Берналь и Даниэль Мооре [6, p.134].

Отношения *PCR* с другими левыми партиями были неоднозначными. Если с коммунистами и комсомолом противостояние было принципиальным и непреклонным, то с социалистами и миристами наблюдались периоды сближения и сотрудничества, особенно в студенческой среде. При этом в партийной прессе нередко появлялись статьи со взаимными нападениями: миристы называли *PCR* «иностраницей» за их прокитайские симпатии; те, в свою очередь, обвиняли *MIR* в слепом следовании кубинским рецептам. В 1967 г. из партии были исключены близкие миристам деятели за их увлечение «кастризмом», кубинскими методами, герильей и теорией «партизанского очага», что было главным тезисом стратегии *MIR*.

В конце 60-х годов XX в. на левом фланге чилийской политики все громче и более массово звучали леворадикальные тезисы, усиливались голоса диссидентов. Одновременно в большой политике традиционные левые продолжали проводить прежнюю тактику «чилийского пути к социализму». 1970 г. — исторический рубеж в истории Чили, когда впервые в результате выборов к власти пришла коалиция марксистских партий Народное единство (*Unidad Popular, UP*). *PCR* оказалась в затруднительном положении после очередного выдвижения Альенде от коалиции *UP*, так как именно с ним у маоистов были неплохие отношения, да и сам он с симпатией относился к маоизму и Китаю. На выборах партия выдвинула лозунг «Борьба — да! Голосование — нет!» [11, p.56].

Парадоксально, но приход в «Ла Монеда» С.Альенде и подъем народного движения в Чили нанесли серьезный удар по «революционным коммунистам». Маоисты обвиняли левую коалицию в создании иллюзий у народа. Журнал *PCR Causa Marxista-Leninista* писал об Альенде: «По сути он представляет политические интересы советского социал-империализма, который стремится набрать дополнительные очки для своего влияния в мире, чтобы с выгодных позиций вести переговоры о союзе с империализ-

мом янки» [6, p.165]. Начался упадок этой партии, не сумевшей найти свое, поддерживаемое массами, место в процессах преобразований и противостояния с реакцией. Последовали расколы, в том числе коснувшиеся тех, кто выступал за поиск согласия с партиями *UP*.

В период правления Народного единства усилился крайне левый фланг, представленный миристами и левым крылом социалистов, немало сделавший для дестабилизации власти и подрыва авторитета правительства Альенде. Вместе с тем обвинять их в падении этого правительства нелепо, как это делали впоследствии советские исследователи. Палитра крайне левого фланга была разнообразнее, все силы, действовавшие на нем, внесли свой вклад в развитие чилийской революции. Каждый пожинал «свои» плоды: большинство миристов заплатили за свои убеждения жизнями; маоисты столкнулись с предательством Китая, поддержавшего переворот Аугусто Пиночета; левые социалисты утратили свое присутствие в партии и чилийской политике. Изучение истории чилийских левых не должно ограничиваться деятельностью коммунистов, социалистов или левых христиан. Необходимо помнить обо всех политических силах, представленных на политической арене страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л., Костюк Р.В. Народный фронт в теории и практике современного латиноамериканского левого движения. М., *Латинская Америка*. 2019, №11. сс.26-41 [Jeifets V.L., Kostyuk R.V. Narodnyj front v teorii i praktike sovremennogo latinoamerikanskogo levogo dvizheniya] Popular front in the theory and practice of the modern Latin American left movement. Moscow, *Latinskaya Amerika*. 2019, N 11, pp.26-41 (In Russ.).
2. Уроки Чили. М., Наука, 1977, 408 с. [Uroki Chili] The lessons of Chile]. Moscow, Nauka, 1977, 408 p.
3. Loyola M. “Los destructores del Partido”: notas sobre el reinosismo en el Partido Comunista de Chile. *Revista Izquierdas*. 2008. Número 2. Available at: www.izquierdas.cl (accessed: 11.06.2020).
4. Furci C. El Partido Comunista de Chile y la vía al socialismo. Santiago, Ariadna, 2008, 302 p.
5. Milos P. Historia y memoria. 2 de abril de 1957. Santiago, LOM, 2007, 600 p.
6. Lo Chávez D. Comunismo rupturista en Chile (1960-1970). Tesis. Universidad de Chile, non publ. Available at: <http://repositorio.uchile.cl/bitstream/handle/2250/113144/FI-Lo%20Chavez%20Damian.pdf?sequence=1> (accessed: 11.06.2020).
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5, оп. 61, д. 560, л. 48.
8. Moulian T. Contradicciones del desarrollo político chileno 1920-1990. Santiago: LOM-Editorial ARCIS, 2009, 180 p.
9. Casals M. El alba de una revolución, La izquierda y la construcción estratégica de la “vía chilena al socialismo”. 1956 – 1970. Santiago, LOM, 2010, 294 p.
10. РГАНИ. Ф. 5, оп. 58, д. 301, л. 6-7.
11. Rothwell, M. ‘Secret Agent for International Maoism: José Venturelli, Chinese Informal Diplomacy and Latin American Maoism.’ *Radical Americas*, London, 2016, 1(1), pp. 44–62
12. Miguel Enríquez y el proyecto revolucionario en Chile. Discursos y documentos del Movimiento de Izquierda Revolucionaria, MIR. Santiago, LOM, 2004.
13. РГАНИ. Ф. 5, оп. 50, д. 692, л. 223.
14. РГАНИ. Ф. 5, оп. 50, д. 692, л. 267.
15. РГАНИ. Ф. 5, оп. 58, д. 301, л. 194.
16. Elgueta Becker B. El socialismo en Chile. Una herencia yacente. Santiago, Tiempo robado, 2015, 727 p.
17. РГАНИ. Ф. 5, оп. 58, д. 301, л. 79.
18. Arrate J., Rojas E. Memoria de la izquierda chilena, t. 1 (1850-1970). Santiago, Vergara ed., 2003, 550 p.
19. Weiss O. Chile vivo. Memorias de un socialista, 1928-1970. Madrid: Centro de Estudios Salvador Allende, 1986.
20. Avendaño D., Palma M. El rebelde de la burguesía. La historia de Miguel Enríquez. Santiago, Cesoc, 2001, 231 p.

21. РГАНИ. Ф. 5, оп. 61, д. 560, л. 48.
22. José. La etapa actual de la revolución latinoamericana. *Estrategia*. Santiago. N 1, Noviembre de 1965, pp. 5-11.
23. Waiss O. Metamorfosis. *Estrategia*. Santiago. N 1, Noviembre de 1965, pp. 12-15.
24. Historia oral e historia política. Izquierda y lucha armada en América Latina. 1960-1990. Santiago, LOM, 2014, 404 p.
25. Programa del Movimiento de Izquierda Revolucionaria (MIR de Chile). Available at: http://www.cedema.org/uploads/MIR_Programa.pdf (accessed: 13.06.2020).
26. РГАНИ. Ф. 5, оп. 58, д. 301, л. 180.
27. РГАНИ. Ф. 5, оп. 61, д. 560, л. 49.
28. Declaración de principios del M.I.R. Available at: <https://ru.scribd.com/document/321009349/Declaracion-de-Principios-Del-MIR-1965> (accessed: 02.07.2020).
29. Una línea pequeñoburguesa y una línea proletaria en la revolución chilena. PCR. 1967. Available at: <http://www.archivochile.com/pp/pcr/pcr00007.pdf> (accessed: 04.07.2020).
30. РГАНИ. Ф. 5, оп. 61, д. 560, л. 51.
31. РГАНИ. Ф. 5, оп. 61, д. 560, л. 50.
32. Palacios J. Chile: un ensayo de compromiso histórico. Barcelona, Editorial 712, 1978, 272 p.
33. РГАНИ. Ф. 5, оп. 61, д. 560, л. 53.
34. Programa del Partido Comunista Revolucionario. Primer Congreso del Partido Comunista Revolucionario de Chile. Febrero de 1966. Available at: <http://www.archivochile.cl/pp/pcr/pcr00004.pdf> (accessed: 04.07.2020).
35. Informe político aprobado en el Primer Congreso del Partido Comunista Revolucionario de Chile. Febrero 1966. Available at: <https://www.archivochile.com/pp/pcr/pcr00003.pdf> (accessed: 02.07.2020).
36. Resoluciones políticas aprobadas en el primer congreso del Partido Comunista Revolucionario de Chile. Febrero de 1966. Available at: <http://www.archivochile.com/pp/pcr/pcr00005.pdf> (accessed: 04.07.2020).

Andrey A. Schelchikov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute for World History of RAS

Leninsky pr. 32a, 119334 Moscow, Russian Federation

"Chilean way to socialism" and opponents left in the 60s. On the 50th anniversary of the victory of the People's Unity in Chile

Abstract. The history of the left in Chile is traditionally limited to its largest parties and movements, bypassing the numerous parties and groups, nevertheless, who made a significant ideological and political contribution to the development and implementation of the left socio-political alternative. 60s of the XXth century in Chile was a very fruitful and creative period for all left forces, the period of the formation of the new left, which contrasted itself with the traditional left parties of the Communists and Socialists, following the line of the electoral coalition, whose roots went back to the VII Congress of the Comintern and the Chilean Popular Front of the 30s. All discussions of that time were actually a continuation of the debates of the Comintern times. The central place in them was occupied by the experience of the Cuban revolution, Sino-Soviet differences. This article is devoted to the birth and history of these left-wing parties in the 60s of the XXth century.

Key word: communism, socialism, maoism, Chile, Allende, Enríquez, Unidad Popular.

DOI: 10.31857/S0044748X0011913-3

Received 29.06.2020.